

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
syrsa@yandex.ru

КОНДОПОГА В 1930-е ГОДЫ: РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Социальные аспекты форсированной индустриализации Карельской АССР рассмотрены на материалах рабочего поселка (с 1932 года) и города (с 1938 года) Кондопоги. Вектор жизни города задавали потребности государства и федеральных ведомств. Локальный ракурс видения урбанизации позволил уделить особое внимание социокультурным сторонам городской жизни. Обозначены явления, препятствовавшие утверждению в данном социуме урбанизированной культуры: неквалифицированный труд, тяжелые бытовые условия значительной части сельских мигрантов, ужесточение политического контроля над горожанами, несмотря на декларирование демократических свобод. Показаны возможности адаптации и самоорганизации горожан, направленные на смягчение социальных издержек индустриального рывка. Охарактеризована деятельность Горсовета по обеспечению повседневных нужд горожан, показано становление системы образования и медицинской помощи. Творческая активность горожан, новые формы деятельности, способствовавшие личностной самореализации, наиболее полно в этот период проявились в сфере организации досуга.

Ключевые слова: город, индустриализация, мигранты, выборы, быт, культура

Форсированная индустриализация ускорила освоение лесных и водных ресурсов Карелии, общесоюзное значение приобрели добыча нерудных ископаемых, целлюлозно-бумажная промышленность. За 1926–1939 годы население Карелии выросло с 269,7 тыс. до 468,9 тыс. человек. Менялась его пространственная локализация: в 1926 году горожанами являлись 20,5 % жителей Карелии, а в 1939 году – 32,1 % [17: 61]. В городских поселениях концентрировалась разнообразная социальная деятельность, в том числе инновационная. При этом нехватка средств усиливала монопрофильную специализацию городских поселений, что негативно сказывается до сих пор.

В отечественной историографии выражается неудовлетворенность уровнем изученности социальных аспектов индустриализации [12], [13]. Междисциплинарного подхода требует неразрывно связанная с индустриализацией урбанизация. В работах историков, географов, философов обозначилось стремление осмыслить ее специфику в советский период. Подчеркиваются особая роль Советского государства в градообразовании [22], прочная связь урбанизации с оборонными задачами государства и созданием военно-промышленного комплекса [11], сращивание социальной инфраструктуры с производственными предприятиями, низкий стандарт качества жизни горожан [13].

Немало исследований посвящено региональным аспектам урбанизации. Процесс градообразования на Севере России в условиях форсированной индустриализации охарактеризо-

ван А. А. Беловолом [1], Л. А. Максимовой [10], П. В. Федоровым [26] и др. И. Н. Стась выделил два основных подхода в изучении урбанизации Севера России [23: 35]. Первый связан с исследованием города в рамках социальной истории на основе теорий стадийного и цивилизационного развития. Когда урбанизация рассматривается как составная часть модернизации, доминирует интерес к программам преобразований, эволюции институтов, восприятию населением этих новаций уделяется меньше внимания [16]. Второй подход опирается на культурную историю с упором на изучение городской повседневности, ментальности, идентичности. Так, «новая локальная история» актуализирует важнейшую социокультурную функцию урбанизации – создание новых возможностей, ценностей, потребностей горожан [2]. В литературе проанализирован также ряд других исследовательских подходов к городской истории. При этом ставится задача использовать их «на условиях взаимодополнительности», что позволит рассматривать город и как продукт, и как своего рода «актера» исторического развития [19: 269].

В 2018 году Карелия празднует 80-летие Кондопоги, ставшей в 1920–1930-х годах символом стремительного индустриального развития Севера. Городу повезло – здесь традиционно сильное краеведческое движение [5], [9], [21], [14]. Научное изучение Кондопожского промышленного района начал Б. А. Юргенс [28]. Население, бытовую инфраструктуру Кондопоги и уровень жизни горожан охарактеризовала Л. И. Вавулинская [3], [4].

В статье И. Р. Такала представлена трагическая судьба финнов в Кондопоге во время сталинских репрессий [24]. Однако комплексного освещения история Кондопоги в период форсированной индустриализации пока не получила. Отчасти восполняя этот пробел, автор данной статьи ставит задачу представить во взаимосвязи наиболее важные стороны городской жизни 1930-х годов. Исследование подготовлено на основе конкретно-проблемного метода и использования системного и контекстуального подходов. Рассматривая город как локальную целостность, автор в качестве ведущих элементов данной системы характеризует деятельность промышленных предприятий, органов городского управления, коммунальных служб, социально-культурных учреждений. При изучении городского населения ставится задача описать процессы рекрутирования управленческой элиты, промышленных рабочих, городской интеллигенции, показать роль мигрантов в развитии социума. При рассмотрении взаимодействия города с другими системами особое внимание уделено поведению и деятельности горожан. Во многом их определяли внешние обстоятельства, вышестоящие властные институты, однако определенную роль играли и индивидуальные стратегии, связанные с приспособлением, инициативой, личными способностями, мотивами людей. Контекстуальный подход проявился в стремлении к разностороннему учету условий, обстоятельств, в рамках которых протекала городская жизнь, а также влияния на нее региональной и федеральной политики.

Статья написана на основе делопроизводственных документов 15 фондов Национального архива Республики Карелии (НАРК). Годовые отчеты предприятий сохранились частично, но, поскольку партийные организации уделяли большое внимание производственной сфере, необходимая информация о промышленном развитии города была выявлена в протоколах республиканских и районных партийных конференций. Протоколы сессий городского и поселкового советов наиболее полно раскрыли «болевые точки» повседневной жизни Кондопоги. И партийные, и советские органы тщательно отслеживали ход избирательных кампаний, и в распоряжении автора исследования находилась обширная справочно-аналитическая документация о местных выборах. Составители докладных записок, отчетов концентрировали внимание скорее на количественных показателях, стремясь показать размах своей организационной работы, поддержку «курса великого Сталина». В работе с такими документами особое внимание уделялось фактам, выходящим за рамки принятого в среде чиновников «каркаса» текста. Для воссоздания тесно вплетенных в политическую жизнь эпохи «личных историй» использовалась учетная документация, прежде всего личные листки по учету кадров и

отложившиеся в личных делах автобиографии. К сожалению, в связи с эвакуацией 1941 года не все необходимые документы сохранились. В связи с этим характеризовать работу партийной организации поселка и города пришлось, используя документы районной парторганизации, в составе которой коммунисты Кондопоги играли важную роль. Как правило, в архивах преобладают документы, характеризующие отношения «государство – человек – государство», коммуникации в рамках малых социальных общностей на их основе прослеживаются лишь частично [20: 91]. Районная и республиканская печать, издаваемая советскими и партийными структурами, недостаточно восполняет данный пробел. В основном привлекались газетные заметки о досуге горожан. Особо хотелось бы отметить публикацию в районной газете биографий всех депутатов горсовета, в связи с миграциями военного времени без них трудно было бы восстановить жизненный путь этой группы общественно активных горожан. В целом круг использованных источников представляется автору достаточным для решения поставленных задач.

Поселение Кондопога впервые упомянуто в документах в 1495 году, с 1774 года украшением стоявшей на берегу Онежского озера деревни являлась Успенская церковь – один из лучших деревянных храмов Русского Севера. Импульс индустриальному развитию Кондопоги был дан Первой мировой войной, когда вблизи деревни пролегла Мурманская железная дорога, началось строительство военного завода и крупной гидроэлектростанции [6: 136]. В 1919 году работы остановили, но ненадолго. В Постановлении СНК РСФСР от 26 апреля 1921 года создание Кондопожского промышленного узла было признано срочной народно-хозяйственной задачей¹. Учитывались начатые работы, а также исключительно выгодное с точки зрения транспортных связей положение местности, расположенной в 53 км от Петрозаводска, на берегу Онежского озера, неподалеку от железнодорожной станции «Кивач».

В январе 1929 года вступила в строй Кондопожская ГЭС, вдвое увеличившая скромный энергетический ресурс экономики Карелии. В 1936 году канал между р. Суной и оз. Палье обеспечил работу ГЭС на полную мощность – 5,5 тыс. кВт. В 1941 году построена вторая очередь, и мощность ГЭС увеличилась до 27,5 тыс. кВт [7: 44–46].

В июне 1929 года начала работу Кондопожская бумажная фабрика. Оборудование для нее закупили в Германии, Чехословакии, Швеции. Современную бумагоделательную машину поставила в Кондопогу немецкая фирма «Фюльнер». В 1937 и 1941 годах пущены еще две машины – уже отечественного производства: их изготовили на Ленинградском заводе бумагоделательных машин имени Второй пятилетки. Всего за

1929–1941 годы Кондопога дала стране свыше 330 тыс. т газетной бумаги [8: 65]. Первые годы фабрика работала на дорогой привозной целлюлозе. В 1935 году с недоделками был пущен целлюлозный завод, хотя освоение производства шло не просто, до конца 1930-х годов в Кондопоге было выработано более 75 тыс. т сульфатной целлюлозы. Целлюлозный завод и бумажная фабрика объединились, и Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат (Бумкомбинат) стал градообразующим стержнем Кондопоги. В апреле 1938 года 2210 жителей поселка являлись рабочими и служащими, из них 1809 человек трудились на Бумкомбинате².

В 1938 году с 80 % готовности введен в число действующих предприятий Пегматитовый завод, перерабатывавший горные породы Чупинских разработок. В 1939 году предприятие отгрузило 21 тыс. т керамического сырья для фарфоро-фаянсовой промышленности страны. Заметную роль в лесной промышленности края играл Кондопожский леспромхоз: в 1939 году им было заготовлено 580 тыс. ф. м. древесины³. Был реконструирован построенный в 1924 году механизированный кирпичный завод, поставлявший стройкам около 4 млн кирпичей в год. Повседневные запросы людей стремились удовлетворить промысловые кооперативные артели («Пищевик», «Кустарь», «Трудовик» и др.). К концу 1930-х годов в городе насчитывалось полтора десятка предприятий. Развитие производства сдерживали нехватка сырья, финансирования, техники, плохая организация труда.

Крупное индустриальное строительство привело к росту численности населения Кондопоги. За 1926–1939 годы оно увеличилось более чем в 5 раз – с 2,6 тыс. до 13,4 тыс. человек. Согласно данным переписи 1939 года, в городе проживало 9,5 тыс. русских, 1,7 тыс. карелов, 334 вепсов, 791 финн, 360 украинцев, 178 татар и др.⁴ Нужно было обеспечивать необходимый минимум консолидации людей разных национальностей и конфессий.

Девять из десяти жителей поселения являлись мигрантами. Большинство переселенцев прибыло из-за пределов Карелии. В основном это были крестьяне, покинувшие деревню в разгар коллективизации. Для обучения рабочим профессиям на предприятиях была развернута сеть профессиональных курсов, индивидуальное ученичество. Сельские мигранты стремились использовать возможности вертикальной социальной мобильности. На предприятиях началось социалистическое соревнование, создавались ударные бригады, внедрялись встречные планы, создавались производственно-технические кружки, поощрялись рационализаторы⁵. Получила распространение бригадная форма работы, позволявшая активнее применять разделение труда, эффективнее

использовать технику. Часть рабочих включилась в стахановское движение.

В то же время из-за нехватки жилья и убогого быта сохранялась высокая текучесть рабочих кадров. В 1930–1933 годах на Бумажную фабрику прибыло почти 5 тыс. рабочих и такое же их количество уволилось [3: 185]. В 1940 году на Бумкомбинат было принято 1301, а уволено 1113 человек⁶. В конце 1930-х годов текучесть кадров усугубили мобилизации в Красную армию в период Советско-финляндской войны. В 1939 году на Пегматитовый завод было принято 390, а уволено 443 работника. В том же году на Кирпичном заводе при среднесписочном составе рабочих 109 было уволено 136 человек⁷. Недостаточная квалификация работников влекла за собой низкое качество продукции, брак и производственные травмы (в 1940 году только на Бумкомбинате их зарегистрировано 211⁸).

В 1940 году численность инженерно-технических работников на Бумкомбинате составляла 100 человек. Из них высшее образование получили 22, среднее – 12, остальные – то есть почти две трети ИТР – имели лишь начальное образование⁹. Стремясь повысить ответственность персонала за выпуск качественной продукции, в предвоенный период руководство страны ввело материальную и даже уголовную ответственность за брак. В 1940 году на Бумкомбинате к материальной ответственности (как правило, вычету 20–30 % заработка) за выпуск некачественной продукции было привлечено 43 работника, в том числе 8 ИТР¹⁰. Два работника были отданы под суд¹¹.

В 1920-е годы лучшие возможности для профессионального обучения получили представители финно-угорских народов. С 1929 года при Кондопожской бумажной фабрике работала школа ФЗУ. Туда принимали в первую очередь карелов, финнов, вепсов – фабрика должна была стать «колыбелью» национальных кадров пролетариата. Преподавание велось на финском языке, обучали молодежь выпускники Ленинградского целлюлозно-бумажного техникума Е. П. Барусин, В. А. Канерва, а также опытные рабочие¹². В 1933 году более половины квалифицированных рабочих Бумажной фабрики являлись представителями финно-угорских народов [3: 186].

Среди мигрантов 17 % составляли прибывшие из-за границы – активные участники Финляндской революции 1918 года, преследуемые после ее подавления, американские финны, покинувшие Канаду и США во время Великой депрессии. В 1932 году в строительных организациях Кондопожского района трудились 2 инженера и 189 иностранных рабочих¹³. За 1931–1934 годы на Бумажную фабрику были распределены 119 иностранных рабочих¹⁴. Для иммигрантов были открыты специальные магазины, столовые, клуб. Вследствие более высокой квалификации их заработки были существенно выше. Подчас

это вызывало недовольство местных жителей. В свою очередь для финских рабочих оказалась неожиданной бедность жизни в Советской Карелии. Многие были недовольны жилищными, бытовыми условиями, но работали добросовестно. Среди них было немало людей, верящих в социализм.

Облик хозяйственных руководителей отвечал духу эпохи. Первый директор Бумкомбината Ганнес Ярвимики работал в юности рабочим на бумажных фабриках в Финляндии, но специального технического образования не получил. После Финляндской революции 1918 года отец и брат Ярвимики были расстреляны, а сам он, комиссар одного из красных фронтов, осужден на 17 лет. Из заключения бежал, чудом добрался до Советской России. В 1922 году Г. Ярвимики участвовал в знаменитом рейде на Кимасозеро, был награжден именными часами. Нехватка технических знаний у «красного директора» никого не смущала, в условиях штурма и авралов успех дела часто определяли воля лидера, умение вести за собой. В 1936 году Г. Ярвимики награжден орденом Трудового Красного Знамени. К ордену был добавлен редчайший для того времени дар – легковая машина. Через много лет супруга начальника планового отдела комбината С. В. Павевского Ксения Михайловна вспоминала встречу в Кондопоге Нового, 1937, года, слова соратников за праздничным столом:

Мы верим тебе, директор – и все как один понимаем тебя. Где ты будешь работать, там и мы будем работать, потому что твоя любовь к родине и рабочему классу ведет нас к тебе¹⁵.

Однако летом 1937 года Ярвимики был арестован, а 21 марта 1938 года расстрелян.

В 1938–1940 годах директором Бумкомбината являлся Николай Алексеевич Кондратьев, технически более образованный управленец. В советское время он окончил Тверской лесотехникум, работал директором леспромхозов в Московской области. В 1935 году Кондратьева направили в Архангельскую промакадемию лесной промышленности Наркомлеса, но в 1937 году он был отозван с учебы на Кондопожский бумкомбинат¹⁶. Когда в 1940 году Кондратьева перевели на работу в Питкяранту, Бумкомбинат возглавил 34-летний Александр Петрович Большов, с бумажной отраслью связанный в жизни, можно сказать, по случаю. В юности он плавал матросом на парусных судах. Однажды его шхуну насильно угнали в Константинополь, и только через несколько лет матрос смог нелегально вернуться в СССР. С 1928 года Большов служил на Балтийском флоте: сначала радистом, а потом политраблотником, секретарем партбюро линкора «Октябрьская революция». В автобиографии писал: «Вел борьбу с врагами народа, был из-за этого демобилизован»¹⁷. После демобилизации стал начальником отдела кадров Бумажной фабрики

в Ленинграде. Вскоре закрепившегося в бумажной отрасли профессионального политраблотника послали на хозяйственную работу в Кондопогу.

27 мая 1932 года Президиум ВЦИК утвердил статус Кондопоги как рабочего поселка. В его состав вошли поселок бумажников, железнодорожная станция и деревня Кондопога. 5 июня 1938 года Президиум ВЦИК утвердил решение ЦИК и СНК КАССР о преобразовании рабочего поселка Кондопога в город¹⁸.

До декабря 1940 года управление городом продолжал поселковый совет, избранный в 1934 году. В составе совета работали секции: торговли, финансов, связи, культурно-просветительная, кооперативная, ликвидации неграмотности и малограмотности. На предприятиях были созданы депутатские группы: они помогали администрации в «борьбе за план», проводили обследования жилищно-бытовых условий рабочих. Связь с избирателями осуществлялась в процессе выполнения их наказов: во время выборов депутатам передали 171 наказ, 104 из них были выполнены. В то же время ни один депутат поселкового совета в 1937–1938 годах не отчитался перед избирателями. Большинство членов поссовета не имели поручений. Довольно редко, два-три раза в год, созывались общие собрания депутатов (пленумы)¹⁹. Часто сменялись руководители совета. В 1939–1940 годах эту должность занимали С. И. Гришин, И. И. Алешин, П. А. Рагачев – по несколько месяцев каждый.

Местный совет тесно взаимодействовал с партийными органами. В 1933 году членами и кандидатами ВКП(б) являлись 634 жителя Кондопожского района. К весне 1937 года, после «чистки» и обмена партийных билетов с целью проверки лояльности политическому курсу, численность коммунистов в районе сократилась на 22 %²⁰.

Руководители парторганизации часто менялись. Молодых выдвиженцев постоянно перемещали то на комсомольские, то на партийные, то на хозяйственные должности. Так, в 1935–1937 годах Кондопожскую партийную организацию возглавлял Георгий Пахомович Шерешков. Он приехал на север в 1924 году по призыву Мурманской железной дороги. Поработав недолго слесарем в депо в Кандалакше, помощником машиниста в Мурманске, вступив в партию, перешел на комсомольскую работу. В 1929 году Ленинградский обком партии отозвал его из Мурманска на комсомольскую и партийную работу в Карелию. Было ему тогда 23 года. В 1934 году секретаря Медвежьегорского райкома партии Шерешкова назначили управляющим треста «Кареллес», где готовили «чистку» центрального аппарата. Освободив трест «от чуждых элементов», вернулся на партийную работу, но уже в Кондопожский район²¹. 13 августа 1937 года Г. П. Шерешков исключен из партии, 9 февраля 1938 года расстрелян.

Численность Кондопожской парторганизации вернулась к показателям 1933 года весной 1940 года, когда в ее рядах состояло 645 человек. За 1937–1940 годы в составе организации доля русских увеличилась с 55 до 73 %, а доля финнов сократилась с 27 до 7 %²².

Государство направляло на решение своих экономических и политических задач активность многочисленных общественных организаций, жестко их контролируя. Комсомольцы Бумажной фабрики участвовали в соцсоревновании и ударничестве, поднимались на ликвидацию очередных авралов и прорывов, боролись за выполнение промфинплана [25: 53]. Члены Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) вели сбор средств на строительство воздушного флота, с их участием в Кондопоге построили парашютную вышку и тир. В 1938 году в День авиации свыше 800 жителей города участвовали в военизированном походе Осоавиахима: учились действовать в условиях химической атаки в «противоипритных костюмах», отрабатывали навыки пользования современными видами связи. На привалах политуки проводили беседы о событиях на озере Хасан, о Гражданской войне в Испании²³. Члены Международной организации помощи борцам революции (МОПР) распространяли облигации займа, собирали деньги в помощь преследуемым на Западе революционерам, агитбригада МОПР выезжала на лесозаготовки. Члены Общества Красного Креста проводили дезинфекции бараков и квартир, организовывали курсы санитаров и медсестер запаса, сдавали нормы на значок «Готов к санитарной обороне».

Десятки общественников вели пропагандистскую работу. Прямолинейные, незамысловатые установки агитаторов воспринимались малообразованными слоями общества как ориентир в общественной жизни. В Кондопоге выходили 4 местные газеты на русском (районная «Новая Кондопога», производственные «Кировец», «За экспортный стандарт») и финском («Кондопожский ударник») языках. Благодаря радио пропаганда неслышно входила в мир частной жизни людей. В апреле 1937 года Г. П. Шерешков докладывал: «Очередное “накачивание” по текущим вопросам проходит удовлетворительно»²⁴.

Вторая половина 1930-х годов характеризовалась резким усилением в системе государственного управления роли силовых структур и ужесточением репрессивной политики. Партийно-государственный аппарат, сформировавшийся в эпоху «социалистического штурма», обладал невысоким уровнем управленческих компетенций, готовилась его смена. С весны 1937 года в партийных организациях все настойчивее раздаются призывы усилить «большевистскую самокритику». В парторганизациях прошли выборы, впервые за три года парторги отчитались о сво-

ей работе, состав парторгов обновился на треть. Отчетно-перевыборные собрания длились по нескольку дней, например, на Бумкомбинате – 4 дня.

С лета 1937 года ротация кадров обратилась в их преследования. На партийных собраниях резко выросло число «персональных дел». До весны 1938 года в Кондопожском районе из партии были исключены 78 коммунистов, в том числе 37 финнов, 29 русских, 4 карела, 1 украинец, 1 эстонец, 2 еврея. В первую очередь исключали арестованных НКВД (48 человек) и «не внушающих политического доверия» (15)²⁵.

Недостатки хозяйственного механизма все чаще прикрывали разговорами о «врагах народа»: это из-за них срываются сроки пуска промышленных объектов, выпускается продукция низкого качества²⁶. Заручившись поддержкой стахановцев, власти предприняли новую попытку экономического рывка. Если в 1936 году Кондопожский ЦБК произвел 32,6 тыс. т бумаги, то в 1937 году план требовал выпустить 74,3 тыс. т²⁷. Комбинат нарастил выпуск продукции, но невыполненные планы выполнить не смог: было произведено чуть более 34 тыс. т бумаги. Вся полнота ответственности за невыполнение плана легла на трудовой коллектив. Репрессиям подверглось около 250 работников Бумкомбината [24: 222]. После «чисток» производство лихорадило. Многочисленные аварии, брак, простои были связаны прежде всего с неопытностью нового персонала. В докладе о хозяйственной деятельности Бумкомбината за 1938 год отмечалось: «Большинство наших сеточников, варщиков и др. свой стаж в данных квалификациях насчитывают месяцами»²⁸.

Отставание социальной сферы также пытались списать на козни «врагов народа». «Это они тормозили жилищное строительство», – утверждал в районной газете председатель Кондопожского РИК С. К. Мухин²⁹. Карточки были отменены, но в неурожайном 1936 году росли очереди за продуктами, цены на базарах. Даже осенью в продаже не хватало свежих овощей. Люди жаловались: «Живем у воды, а рыбы не видим»³⁰.

Стремясь не допустить роста критики власти, консолидации недовольных, НКВД развернул преследования подозреваемых в политической нелояльности граждан. В их круг автоматически зачислялись иммигранты из Европы и Америки, бывшие члены других политических партий, сторонники оппозиций внутри РКП(б)/ВКП(б), духовенство, раскулаченные. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 года активизировалась «операция по борьбе с кулачеством, уголовниками и иными антисоветскими элементами». Репрессиям подверглась управленческая элита Карелии – «красные финны» и их соратники. В условиях, когда большевики провозгласили целью укрепление Российского государства и защиту его геополитических интересов, политэмигрантов стали уничижительно

критиковать как, с одной стороны, сторонников мировой революции, а с другой стороны, носителей западных ценностей. Пришедшая им на смену партийно-хозяйственная элита не отличалась ни более высоким уровнем компетентности, ни политическим опытом, но считалась более управляемой и подконтрольной. В условиях пограничья аресты граждан бездоказательно связывали с возможностью шпионажа, а в случае войны – с возможностью перехода на сторону захватчиков. Согласно агентурной разработке НКВД «Диверсанты» в Кондопожском районе орудовали шпионы [27: 42]. С осени 1937 года в республике активизировалось проведение «национальных операций», которые были направлены, в первую очередь, против финского населения. По данным И. Р. Такала, в Кондопоге за время Большого террора пострадало около 500 человек, большинство репрессированных – финны [24: 222]. В ноябре 1938 года массовый террор был остановлен. Репрессии развернулись в то время, когда проводившие «социалистический штурм», коллективизацию и раскулачивание политики впервые должны были пройти через горнило всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании, закрепленных Конституцией 1936 года.

В Кондопоге прошли избирательные кампании по выборам в Верховный Совет СССР (1937), Верховный Совет РСФСР и КАССР (1938). Изолировав и запугав потенциально «опасных избирателей», власти стремились продемонстрировать максимально высокие цифры поддержки гражданами сталинского режима. К каждому дому, общежитию был прикреплен агитатор. 4 июня 1938 года в Кондопогу приезжал заместитель Председателя ЦИК по выборам в Верховный Совет РСФСР полярник И. Д. Папанин. На площади Советов его встречали более 7 тыс. жителей. Рабочие вышли на работу на 2 часа раньше, чтобы «не прозевать» приезд героя, приветствовали его овациями³¹. День выборов старались представить как праздник. Уже с 4 часов утра люди начинали подтягиваться к избирательному участку. Днем на улицах играли духовые оркестры, баяны, гармонии. Избиратели собирались группами, пели, танцевали, смотрели выступления коллективов художественной самодеятельности. Участвуя в выборах, люди не могли не замечать разительного несоответствия предвыборных речей реальным жизни. Наряду с бюллетенями в избирательные урны подчас опускались записки-рассуждения, наполненные то горечью, то иронией. Приведем в качестве примера одну из них, обнаруженную на избирательном участке в Кондопожском районе:

Хотят нам, дуракам, глаза замутить выборами и конституциями, чтобы каждый советский гражданин был в УСЛОНе не год, не пять, а 25 лет, и этого добиваются наши руководители, чтобы работали остальной век свой бесплатно и жили из-под палки. Зато жить стало лучше и веселее, но дать стало нечего есть рабочему³².

В декабре 1940 года состоялись первые выборы депутатов в городской Совет. На избирательные участки в Кондопоге пришли 100 % избирателей. За предложенных кандидатов проголосовало 97,7 %, против – 2,3 % избирателей. Всего было избрано 37 депутатов, из них 23 мужчины и 14 женщин. В горсовете были представлены граждане трех национальностей: русские (32), карелы (4), вепсы (1)³³. Депутатский корпус формировался в основном из молодежи. Возраст самых молодых депутатов составлял 19 лет, всего 4 депутата перешагнули 40-летний рубеж, возраст самого старшего – 48 лет. В составе горсовета имелось ядро (43 %) достаточно хорошо для 1930-х годов образованных депутатов: 13 имели среднее образование, 3 – высшее. Депутатами городского Совета были избраны 10 партийных и советских работников, 1 сотрудник НКВД, а большинство составляли хозяйственники (16) и представители интеллигенции (10)³⁴. Тем не менее партийный контроль над горсоветом был незыблем – 57 % депутатов являлись членами партии³⁵. На сессиях горсовета неизменно председательствовал секретарь райкома партии.

25 декабря 1940 года состоялась первая сессия Кондопожского городского Совета, на которой единогласно и без обсуждения был избран исполком в составе 11 человек. Председателем Кондопожского городского Совета был избран Петр Иванович Гаврилов. Выходец из крестьянской семьи, он прибыл в Кондопогу в 1932 году по окончании целлюлозно-бумажного техникума в Ленинграде. Работал техником на бумажной фабрике, сменным мастером на целлюлозном заводе, инструктором школы ФЗУ. В 1939 году был избран руководителем профсоюзной организации ЦБК. За эти годы Кондопогу Гаврилов покидал дважды: когда служил в армии и когда был мобилизован на фронт в период Зимней войны³⁶.

В составе горсовета были образованы два отдела – финансовый и коммунальный. Вместо секций появились постоянно действующие комиссии – бюджетная, по местной промышленности, по здравоохранению, по образованию. Одним из центральных в работе депутатов был вопрос о городском бюджете. Его основу составлял налог с оборота (кроме спирта), подоходный налог, культсбор с рабочих и служащих, отчисления от займа³⁷. Кроме того, собирались местные налоги и сборы. Взимались земельная рента, налоги со строений, с транспортных средств, со скота, с подвижной торговли, за посещение публичных зрелищ и увеселений³⁸. Кроме того, Кондопожский район получал дотацию от республики. Бюджет Кондопоги с 1935 по 1940 год вырос с 339 тыс. руб. до 3249 тыс. руб. За это время расходы из городского бюджета на образование и здравоохранение увеличились в 11 раз, на коммунальное хозяйство – в 15 раз³⁹. Основное внимание городской Совет уделял коммунальному хозяйству

– сфере запущенной и отсталой. Питьевая вода в Кондопоге была низкого качества. Из-за нехватки лошадей редко чистились выгребные ямы. У многих домов валялись кучи мусора. В старой бане завелся грибок, а строительство новой не велось, так как не поступали стройматериалы. В конце 1930-х годов вновь ухудшилось продовольственное снабжение. В городе возникали перебои в торговле хлебом, была введена норма продажи – 1 кг хлеба в руки⁴⁰. В магазинах отсутствовали товары ширпотреба: ведра, стекло, керосин и др. Торговые организации не имели складов, холодильников, скоропортящиеся товары хранили под открытым небом. Много людей по-прежнему ютилось в общежитиях и бараках. В 1939 году в общежитии Бумкомбината, где проживало 385 рабочих, текла крыша, было очень холодно, допекали вши, тараканы⁴¹. В общежитиях спали «валетом» – по двое на койке. В некоторых бараках даже печей не было.

С середины 1930-х годов в Кондопоге развернулось жилищное строительство, в том числе двух 4-этажных каменных зданий с паровым отоплением, водопроводом, ваннами⁴². На Сунской дороге появились новые кварталы деревянных двухэтажных домов⁴³. Более трети жилищного фонда (136 домов) принадлежало Бумкомбинату. От него центральные ведомства требовали, прежде всего, выполнения производственного плана, а не благоустройства жилья. В ведении Горжилуправления находились 34 дома, на их ремонт местные власти могли выделять 50–80 тыс. руб. в год. Горсовет стремился контролировать состояние жилищного фонда: был создан актив сануполномоченных, проведен общественный смотр жилья. При этом депутаты жаловались: «Ретивые хозяйственники не считаются с постановлениями горисполкома»⁴⁴.

Развитие поселка велось по плану, утвержденному СНК КАССР в 1932 году⁴⁵. В конце 1930-х годов трест «Леноблпроект» разработал новый генеральный проект планировки Кондопоги. В апреле 1941 года его обсудили и одобрили депутаты горсовета, предложив расширить парковую зону с местами для купаний, предусмотреть, что основным видом городского транспорта должен стать троллейбус⁴⁶. План был передан на утверждение в правительство⁴⁷.

В развитии города очень важно формирование качественно новой культурной среды. Более заметными к концу 1930-х годов были изменения в жизни детей. В Кондопоге 350 малышей посещали ясли и детские сады, 2,4 тыс. детей обучались в школах. Практически всех детей охватили начальным образованием. Кроме того, работали 2 средних и 2 неполных средних школы. Формировалось педагогическое сообщество – в школах города трудились 74 учителя⁴⁸. В каждой семье знали директора первой средней школы Сергея Васильевича Шежемского. В памяти выпускни-

ков он остался человеком глубоких знаний, не терпевшим лести, совестливым [18: 10]. Часть учителей имела плохое образование, малый педагогический опыт, что негативно сказывалось на качестве обучения. Так, осенью 1939 года успеваемость школьников Кондопоги составляла всего 63 %⁴⁹.

К середине 1930-х годов была стабилизирована эпидемиологическая ситуация. Если в 1932 году в Кондопожском районе выявлено 384 заболевших брюшным тифом, оспой, скарлатиной, цингой, то в 1934 году – 22 случая этих заболеваний⁵⁰. В 1937 году в Кондопоге завершилось строительство больничного городка. В него вошли здание больницы на 130 коек, жилой дом для медиков, прачечная, морг⁵¹. Кроме того, работали поликлиника, туберкулезный пункт, венерологический диспансер, детская и женская консультации, молочная кухня⁵². Возможности для получения медицинской помощи в городе заметно улучшились. Немало сделали для этого главный врач больницы Иван Андреевич Токарев, главный врач поликлиники Павел Васильевич Гребнев, заведующая родильным отделением Мария Николаевна Дмитриева, хирург Евгения Федоровна Груничева, педиатр Надежда Ивановна Друганина и др.⁵³ В медицинских учреждениях трудилось несколько десятков специалистов средней квалификации. Врачи и директора школ входили в число 22 «ответственных работников»⁵⁴, имевших право на дополнительную жилплощадь. Три медика были избраны депутатами Советов разного уровня.

Постепенно распространялись новые формы досуга и отдыха. По путевкам соцстраха работники промышленных предприятий проходили лечение в санаториях Крыма и Кавказа, отдыхали в домах отдыха Ленинградской области и др. В 1937 году воспользовались такими путевками 89 рабочих и служащих Бумкомбината⁵⁵, в 1938-м – 126.

Зимой проводили лыжные гонки, в ДК устраивали вечера спорта с показательными выступлениями борцов, гимнастов, боксеров⁵⁶. Летом проходили городские спортивные праздники с парадом физкультурников, в которых могло участвовать более тысячи человек и десятки велосипедистов. Устраивались соревнования по футболу, волейболу, баскетболу.

Получили признание советские праздники. Их официальная часть включала торжественные собрания нескольких десятков госслужащих, членов партии, активистов общественных организаций, на которых заслушивались рапорты, формулировались задачи, «проговаривалась» правильная для власти картина происходящего. В честь праздника проводили спортивные состязания, на которых помимо спортсменов присутствовало много зрителей. Клуб, Дом культуры через детские утренники, киносеансы, концерты

вовлекали в праздник молодежь. Накануне 1 мая 1938 года концерт художественной самодеятельности начался в 10 вечера и плавно перетек в «гулянье» и танцы до 4 ночи. А утром по улицам поселка уже шли в праздничных колоннах с флагами, лозунгами, транспарантами, портретами вождей в строго регламентированном порядке 7 тыс. демонстрантов.

В ноябре 1931 года Президиум ЦИК КАССР заслушал отчет о работе Кондопожского поселкового Совета, в котором с тревогой констатировалось о почти полном отсутствии культурных учреждений в Кондопоге⁵⁷. С середины 1930-х годов ситуация стала меняться. В 1936 году в Кондопоге открылась районная библиотека. Ее книжный фонд поначалу был весьма скромным – чуть более 7 тыс. томов, но число жителей поселка, вовлеченных в работу библиотеки, быстро росло, в начале 1938 года она имела 1380 читателей⁵⁸. Помимо районной, работали библиотеки при Бумкомбинате и леспромхозе. К 20-летию Октября построен Дом культуры бумажников по проекту ленинградского архитектора Соломона Николаевича Козака – автора самого крупного в то время в Ленинграде Дворца культуры имени Кирова. Кондопожский проект Козака также отличался масштабностью задумки: он включал театральную и клубную части, которые должны были быть размещены в величественном здании на высоком берегу Онежского озера, к которому спускалась парадная лестница. Построена была только театральная часть [21: 237]. В досуг горожан стало входить кино. В апреле 1936 года в Кондопоге прошел кинофестиваль. Важность мероприятия подчеркивало участие главы правительства Карелии П. И. Бушуева. Более 200 делегатов посмотрели фильмы «Юность Максима», «Крестьяне», «Вражьи тропы». Для большинства это была первая встреча со звуковым кино. Делясь впечатлениями, колхозница-орденоносец Ольга Феофилова отметила: «Я только один раз смотрела звуковое кино в Ленинграде»⁵⁹. Перед войной в Кондопоге работали городской кинотеатр, стационарные киноустановки на Бумкомбинате, в леспромхозе и кинопередвижки. В 1940 году киносеансы только в Доме культуры бумажников посетило свыше 100 тыс. зрителей⁶⁰. Киносеансы проводились еженедельно даже в школах, киномехаников подготовили из числа старшеклассников⁶¹.

Важную роль в культурной жизни местного сообщества играло самодеятельное искусство. Через художественное творчество человек пытался осмыслить противоречивую современность и в определенной мере гармонизировать свой мир. С воодушевлением участников и при горячей поддержке зрителей проходили в Кондопоге районные и профсоюзные смотры художественной самодеятельности, концерты республиканского музыкального фестиваля. Ярко заявили о себе ан-

самбля И. П. Шнейдера, музыкально-вокальный коллектив К. Сильфорса⁶², хор девушек Кондопоги и др. Принимали артистов очень тепло, о музыкальном фестивале 1939 года районная газета писала: «...было около двух ночи, когда закончился концерт, оставивший глубокое впечатление у зрителей»⁶³. Самодеятельные коллективы Кондопоги успешно выступили в Большом зале Ленинградской филармонии, Ленинградском государственном театре оперы и балета имени Кирова во время Декады карельского искусства в Ленинграде в марте 1937 года. Газеты рассказали об их репертуаре, поместили фотографии музыкантов В. Ментюля, К. Массинена, Т. Райталаа, М. Керкейна⁶⁴, опубликовали интервью с участником хора рабочим Ф. Дороховым. Многие участники декады в те дни впервые побывали в театрах и музеях, познакомились с бытом большого города («Для нас каждая поездка в трамвае – событие»⁶⁵).

В мае 1938 года в Кондопоге открылся профессиональный театр. Художественным руководителем коллектива стал Р. Г. Пармский, постановщиками спектаклей являлись также Я. М. Корвет, К. П. Костин, А. Н. Петров⁶⁶. В труппу вошли профессиональные актеры Екатерина Александровна Калашникова, Борис Сергеевич Копылов, Маргарита Исааковна Крайндель, Владимир Яковлевич Яковлев, Агния Николаевна Родионова и др.⁶⁷ Большинство являлись выпускниками театральных студий Ленинграда 1920-х годов. Из самодеятельности пришли в театр актеры О. Дахно, Г. Иванов. Оформляя спектакли самодеятельный художник Кононов⁶⁸. Спектакли ставили в Доме культуры Бумкомбината⁶⁹. За два года театр поставил 17 пьес, их посмотрели 112 тыс. зрителей. Артисты выезжали на гастроли в Кемь, Беломорск, Сегежу, давали спектакли на лесозаготовках и сплаве, в дни Зимней войны показали 18 спектаклей для красноармейцев⁷⁰. Основу репертуара составляли пьесы о советском человеке: «Любовь Яровая» К. Тренева, «Сын народа» Ю. Германа, «Слава» В. Гусева и др. В то же время Кондопожский театр знакомил зрителей с классикой, были поставлены «Без вины виноватые», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Последняя жертва» А. Островского. Шли спектакли по произведениям Гоголя, Гольдони, Бальзака.

В Кондопоге начали свой творческий путь яркие деятели культуры Карелии. В 1929 году приехала в Кондопогу из Ленинграда 18-летняя Хельми Ивановна Мальми. Работая библиотекарем, организовала при клубе хореографический кружок, в нем ставила финские народные танцы и даже одноактные балеты. В 1935 году «балетники» успешно выступили на Всекарельской олимпиаде художественной самодеятельности, на Всесоюзном фестивале танца в Москве⁷¹, в 1937 году участвовали в Декаде карельского искусства в Ленинграде. Хореографа из Кондопоги приглашали для творческого сотрудничества художест-

венный руководитель ТЮЗа Александр Брянцев, композитор Исаак Дунаевский, хормейстер Борис Дунаевский. В конце 1930-х годов началась многолетняя творческая деятельность Х. И. Мальми в ансамбле «Кантеле».

Таким образом, развитие Кондопоги определялось государственными нуждами, задачами освоения природных ресурсов севера и его колонизации. Промышленное строительство разворачивалось при обеспечении мигрантов лишь минимумом жизненных условий. Крестьянская молодежь, имея неквалифицированную работу и общежитие барачного типа, держалась за прежние традиции, стиль жизни. По мере развертывания системы профессионального обучения сельские переселенцы получали возможность квалифицированного труда, увеличения доходов, социальной мобильности. Важную роль на производстве играли этнические финны, прибывшие в Кондопогу из Америки и Финляндии. Массовые репрессии 1937–1938 годов, мобилизация в Красную армию в 1939–1940 годах усугубили нехватку квалифицированных кадров к концу рассматриваемого периода.

Городской Совет тесно взаимодействовал с партийными органами и осуществлял определенный ими курс. Сохранялся партийный контроль над выборами, коммунисты составляли большинство членов горсовета, личное участие в его работе принимал секретарь райкома ВКП(б). В ведении горсовета находились сферы, обеспечивающие повседневные нужды горожан, – промысловая кооперация, коммунальное хозяйство, учреждения образования и здравоохранения. Не в силах кардинально изменить ситуацию, горсовет пытался организовать общественный контроль над решением острых коммунальных проблем, смягчить социальные издержки индустриального рывка.

Несмотря на бедность жизни, город давал человеку новые возможности для получения образования, приобщения к врачебной помощи, спорту, художественной культуре и творчеству, разнообразным формам досуга, расширял общение. Процесс формирования, распространения городской культуры в рассматриваемый период еще только набирал силу и был прерван войной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Декреты советской власти. Т. 14. М., 1997. С. 302–304.
- ² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 690. Оп. 3. Д. 105/953. Л. 3.
- ³ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 231. Л. 57.
- ⁴ НАРК. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 113/1080. Л. 21.
- ⁵ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 – июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1984. С. 89.
- ⁶ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 38.
- ⁷ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 7. Л. 56, 112.
- ⁸ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 197.
- ⁹ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 37.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8/56.
- ¹¹ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 13.
- ¹² НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 52/438. Л. 162. Ф. 480. Оп. 2. Д. 124/78. Л. 78. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 49/363. Л. 9.
- ¹³ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 52/438. Л. 162.
- ¹⁵ Возвращенные имена. Книга памяти России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visz.nlr.ru/person/show/267518> (дата обращения 03.04.2018).
- ¹⁶ Новая Кондопога. 1938. 8 июня.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 33. Оп. 2. Д. 29/128. Л. 4, 8, 12.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 105/953. Л. 1.
- ¹⁹ Новая Кондопога. 1938. 22 октября.
- ²⁰ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 46, 47.
- ²¹ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 12316. Л. 8, 10.
- ²² НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 231. Л. 91, 94.
- ²³ Новая Кондопога. 1938. 20 августа.
- ²⁴ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11/186. Л. 7.
- ²⁵ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 44.
- ²⁶ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 36, 37.
- ²⁷ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 217/1625. Л. 22.
- ²⁸ НАРК. Ф. 2034. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 63, 64, 82.
- ²⁹ Новая Кондопога. 1938. 12 июня.
- ³⁰ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 218. Л. 25.
- ³¹ Новая Кондопога. 1938. 6 июня.
- ³² Советы Карелии. 1917–1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 203.
- ³³ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 8.
- ³⁴ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 10. Новая Кондопога. 1940. 4, 7, 8, 13, 20 декабря.
- ³⁵ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 8.
- ³⁶ Новая Кондопога. 1940. 11 декабря.
- ³⁷ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 189.
- ³⁸ Новая Кондопога. 1940. 22 ноября. 24 ноября.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 188.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 2032. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 43.

- ⁴¹ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 7. Л. 73.
- ⁴² Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С. 58.
- ⁴³ Новая Кондопога. 1936. 1 мая.
- ⁴⁴ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 203.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 58.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 140/1216. Л. 167.
- ⁴⁷ НАРК. Ф. 2032. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 119, 120.
- ⁴⁸ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 17.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.
- ⁵⁰ Отчет Кондопожского райисполкома IV съезду Советов. 1931–1934. Петрозаводск, 1934. С. 39.
- ⁵¹ Новая Кондопога. 1938. 1 января.
- ⁵² НАРК. Ф. 580. Оп. 6. Д. 4/39. Л. 371.
- ⁵³ Новая Кондопога. 1940. 20 ноября.
- ⁵⁴ НАРК. Ф. 2032. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 59.
- ⁵⁵ Новая Кондопога. 1938. 1 января.
- ⁵⁶ Новая Кондопога. 1938. 15 января.
- ⁵⁷ НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 3/7. Л. 255.
- ⁵⁸ Новая Кондопога. 1938. 3 января.
- ⁵⁹ Новая Кондопога. 1936. 26 апреля.
- ⁶⁰ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 42.
- ⁶¹ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 132/1201. Л. 26.
- ⁶² Новая Кондопога. 1936. 12 августа.
- ⁶³ Новая Кондопога. 1939. 4 марта.
- ⁶⁴ Ленинградская правда. 1937. 15 марта, 18 марта.
- ⁶⁵ Красная Карелия. 1937. 16 марта.
- ⁶⁶ Новая Кондопога. 1938. 4 сентября.
- ⁶⁷ НАРК. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 130, 132, 187, 189, 208.
- ⁶⁸ Новая Кондопога. 1940. 20 мая.
- ⁶⁹ НАРК. Ф. 1394. Оп. 5. Д. 4/27. Л. 94.
- ⁷⁰ Новая Кондопога. 1940. 20 мая.
- ⁷¹ НАРК. Ф. 2150. Оп. 4. Д. 4/219. Л. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беловол А. А., Максимова Л. А. Градообразование в Коми в 1930–1950-е годы. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского ГУ, 2012. 102 с.
2. Булыгина Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 82–95.
3. Вавулинская Л. И. Роль Кондостроя в формировании национальных рабочих кадров // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 182–186.
4. Вавулинская Л. И. Кондопога в 1920-х – середине 1960-х годов (социальные аспекты развития) // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2005. С. 157–166.
5. Востряков А. П. Кондопога. Петрозаводск: Карелия, 1975. 127 с.
6. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
7. История строительства в Карелии. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. 206 с.
8. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 244 с.
9. Кондопога: очерки истории и культуры края / В. А. Карелин, А. С. Карпенко, Г. Я. Пудышев, В. М. Яковицкий. Петрозаводск: Карпован сизарексет, 1996. 126 с.
10. Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-Востоке СССР // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2018. № 1. С. 99–102.
11. Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 9–16.
12. Наумов Н. В. Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в 1928–1941 гг. Проблемы отечественной историографии. М.: Издательство МГУ, 2004. 365 с.
13. Орлов И. Б. Сталинизм и индустриальный «рывок»: основные тенденции советской и постсоветской историографии // Историография сталинизма. М., 2007. С. 108–137.
14. Осинина Т. А. Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) в истории становления рабочих кадров Кондопожского ЦБК. 1929–1960 гг. // Балагуровские чтения. Беломорск, 2017. С. 148–162.
15. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития: Сб. научных трудов / Под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 228–239.
16. Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 36–45.
17. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
18. Пудышев Г. Я. Кондопожский педагог и краевед С. В. Шежемский // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 7–19.
19. Репина Л. П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI век. 2013. № 3–2. С. 266–273.
20. Румянцева М. Ф., Сукнина Л. Б. Основы теории исторического знания. Переславль-Залесский: УГП имени А. К. Айламазяна, 2017. 127 с.
21. Садовская Е. И. Кондопога театральная (1938–1941 годы) // Север. 2018. № 1. С. 237–239.
22. Сенявский А. С. Историческая урбанистика в исследовании российских модернизаций // Город и городская культура в смысловом поле российского гуманитарного знания. Ч. 1 / Под ред. С. В. Соловьевой. Самара, 2012. С. 13–34.
23. Стась И. Н. Исследовательские проблемы в истории урбанизации Севера // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 34–39.
24. Такала И. Р. Репрессии в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 217–222.

25. Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). Петрозаводск: Карелия, 1981. 140 с.
26. Федоров П. В. Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск: МГГУ, 2014. 175 с.
27. Чухин И. И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. 160 с.
28. Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С. 118–125.

Filimonchik S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KONDOPOGA IN THE 1930s: THE BIRTH OF THE CITY

The social aspects of the forced industrialization of the Karelian ASSR are examined on the basis of the materials of the working settlement (since 1932) and the city (since 1938) of Kondopoga. The city's life vector was set by the needs of the state and federal departments. The local perspective of the urbanization vision made it possible to pay special attention to the socio-cultural aspects of urban life. The phenomena that prevented the establishment of urbanized culture in this community were identified. They include unskilled labor, poor living conditions for a significant part of rural migrants, and toughening of political control over the citizens, despite declared democratic freedoms. The possibilities of adaptation and self-organization of citizens aimed at mitigating the social costs of the industrial breakthrough are demonstrated. The City Council activities aimed at providing for the daily needs of the residents are characterized, and the formation of the educational and medical care systems is discussed. The creative activity of citizens as well as new forms of activities that contributed to personal self-realization were most fully manifested in the sphere of leisure organization.

Key words: city, industrialization, migrants, elections, daily routine, culture

REFERENCES

1. Belovol A. A., Maksimova L. A. City formation in the Komi Republic between the 1930s and the 1950s. Syktyvkar, 2012. 102 p. (In Russ.)
2. Bulygina T. A. City and its space: the attempt of historic measurement. *Novoe proshloe*. 2017. No 3. P. 82–95. (In Russ.)
3. Vavulinskaya L. I. Kondostroy's role in the formation of national labor force. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 182–186. (In Russ.)
4. Vavulinskaya L. I. Kondopoga from the 1920s to the mid-1960s (social aspects of development). *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2005. P. 157–166. (In Russ.)
5. Vostryakov A. P. Kondopoga. Petrozavodsk, 1975. 127 p. (In Russ.)
6. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
7. The history of construction in Karelia. Petrozavodsk, 2007. 206 p. (In Russ.)
8. The history of economics in Karelia. In three volumes. Vol. 2. Karelian Economics of the Soviet period (1917–1991). Petrozavodsk, 2005. 244 p. (In Russ.)
9. Kondopoga: essays on local history and culture. V. A. Karelin, A. S. Karpenko, G. Ya. Pudyshev, V. M. Yakovitskiy. Petrozavodsk, 1996. 126 p. (In Russ.)
10. Maksimova L. A. The consequences of industrial modernization in the European North-East of the USSR. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 2018. No 1. P. 99–102. (In Russ.)
11. Meerovich M. G. The uniqueness of the urbanization in the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2015. No 2. P. 9–16. (In Russ.)
12. Naumov N. V. Social, economic and cultural changes in the USSR between 1928 and 1941. Problems of the National Historiography. Moscow, 2004. 365 p. (In Russ.)
13. Orlov I. B. Stalinism and industrial “breakthrough”: main tendencies of Soviet and post-Soviet historiography. *Istoriografiya stalinizma*. Moscow, 2007. P. 108–137. (In Russ.)
14. Osinina T. A. Factory trade apprenticeship school (FZU) in the history of labour force development at Kondopoga pulp and paper plant between 1929 and 1960. *Balagurovskie chteniya*. Belomorsk, 2017. P. 148–162. (In Russ.)
15. Pivovarov Yu. L. Urbanization in Russia in the XX century: ideals and reality. *Geografiya mirovogo razvitiya: Sb. nauchnykh trudov*. Ed. L. M. Sintserova. Moscow, 2010. P. 228–239. (In Russ.)
16. Poberezhnikov I. V. Modernization in the history of Russia: directions and the problems of research. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2017. No 4. P. 36–45. (In Russ.)
17. Pokrovskaya I. P. Population of Karelia. Petrozavodsk. 1978. 192 p. (In Russ.)
18. Pudyshev G. Ya. Kondopoga educator and local historian S.V. Shezhemskiy. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 7–19. (In Russ.)
19. Repina L. P. Theoretical foundations and prospects of regional history. *Prepodavatel' XXI vek*. 2013. No 3–2. P. 266–273. (In Russ.)
20. Rumyantseva M. F., Sukina L. B. Foundations of the historical knowledge theory. Pereslavl-Zalesskiy, 2017. 127 p. (In Russ.)
21. Sadovskaya E. I. Theatrical Kondopoga (1938–1941). *Sever*. 2018. No 1. P. 237–239. (In Russ.)
22. Senyavskiy A. S. Historical urban studies in the research of Russian modernizations. *Gorod i gorodskaya kul'tura v smyslovom pole rossiyskogo gumanitarnogo znaniya*. Part 1. (S. V. Solov'eva, Ed.). Samara, 2012. P. 13–34. (In Russ.)
23. Stas' I. N. Research problems in the history of northern urban studies. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2015. No 2. P. 34–39. (In Russ.)
24. Takala I. R. Repressions in Kondopoga. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 217–222. (In Russ.)
25. Tin'kova N. K. Activities of Karelian regional branch of All-Union Leninist Communist League of Youth (VLKSM) in the sphere of communist education of the youth (1926–1932). Petrozavodsk, 1981. 140 p. (In Russ.)
26. Fedorov P. V. Cultural landscapes of the Kola North: structure and historical dynamics. Murmansk, 2014. 175 p. (In Russ.)
27. Chukhin I. I. Kareliya-37: ideology and practice of terror. Petrozavodsk, 1999. 160 p. (In Russ.)
28. Yurgens B. A. Karelia in the plan of the State Commission for Electrification of Russia (GOELRO). *Istoriya SSSR*. 1964. No 2. P. 118–125. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.05.2018